

ДЕЛО О НАЗНАЧЕНИИ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В обиходно-бюрократическом диалекте великого и могучего русского языка существовало (а, быть может, существует и поныне) выражение «зачумленная ставка». Так кадровики и руководители разных уровней именовали обычно единицу штатного расписания, которая часто оставалась вакантной и с которой, по их мнению, приключались различные неприятности. Впрочем, ничто не ново под луной, и похожие (хотя и не совсем) неприятности случались и почти век назад, на рубеже XIX и XX столетий, о чем с достоверностью свидетельствует архивное «Дело канцелярии попечителя Московского учебного округа. О возведении экстраординарного профессора Шеффера в ординарные, о переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна на службу в Московский университет, о переводе экстраординарного профессора Юрьевского университета Никитского, об оставлении Никитского на службе. Началось 24 февраля 1900 г. Исполнено 28 ноября 1908 г. В сем деле нумерованных листов 42»¹.

Эта полная драматизма история началась еще 14 февраля 1900 г. В этот самый день именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, «директору Константиновского межевого института и заслуженному ординарному профессору Императорского Московского Университета², доктору греческой словесности, тайному советнику Шварцу всемилостивейше повелено быть попечителем Рижского учебного округа» (л. 4). А тогдашний попечитель Московского учебного округа Павел Алексеевич Некрасов 1 марта 1900 г. писал по поводу замещения освободившейся вакансии министру народного просвещения Николаю Петровичу Боголепову, что «остановился своим выбором на экстраординарном профессоре Московского Университета, статском советнике Шеффере» (л. 4). Сложность заключалась в том, что согласно Уставу ИМУ занимать кафедру древнеклассической филологии мог только ординарный профессор, имевший ученую степень доктора. Валериан Александрович Шеффер ученую степень доктора имел, но профессором был лишь экстраординарным. Впрочем, формулярный список его был вполне достойным: «По окончании курса наук в Императорском Университете Св. Владимира утвержден в степени кандидата в 1884 г.; состоял стипендиатом при сем Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре греческой словесности с 31 мая 1884 г. по 31 мая 1886 г.; был командирован за границу с ученою целью на два года с 1 июля, 1886 г., каковая командировка была продолжена по 1 сентября 1889 г.» (л. 4—4 об.). Далее последовала защита в Юрьеве магистерской диссертации «*De Deli insulae iabus*» и назначение приват-доцентом ИМУ по кафедре классической филологии в

¹ ЦГИА Москва. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5244. В действительности в деле 71 нумерованный лист, из которых 6 — чистые. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте с указанием листов.

² Далее — ИМУ.

1889 г., публичная защита в 1892 г. диссертации «Афинское гражданство и народное собрание», после чего Шеффер был утвержден в степени доктора греческой словесности, и в том же году «Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Министра народного просвещения соизволил на назначение его сверхштатным экстраординарным профессором...» (л. 4 об.). И, наконец, в 1897 г. Шеффер был утвержден в должности штатного экстраординарного профессора по кафедре классической филологии (л. 4 об.).

Дело казалось предрешенным, но в те времена большое значение имело мнение научной общественности, т. е. коллег Шеффера по историко-филологическому факультету. Появляются две записки — отражение кулуарных дебатов среди профессуры ИМУ. «Донести Министру Народного Просвещения, что обстоятельная беседа декана Историко-филологического факультета Московского университета со всеми членами факультета по вопросу о лице, подходящем для замещения вакансии профессора по кафедре греческого языка и словесности, привела к разногласию мнений, которые разделились между кандидатурою главным образом двух лиц: ординарного профессора Казанского университета Мищенко и экстраординарного профессора Харьковского университета Денисова. Весьма немногими голосами выставлялась также кандидатура профессора Нежинского института Жданова. Ввиду сего просить Министра объявить на означенную кафедру конкурс» (л. 6—6 об.). И, наконец: «Просить Департамент задержать движение дела по представлению Шеффера в ординарные (профессоры. — С.К.) впредь до выяснения вопроса о замещении профессорской вакансии, освободившейся после Шварца» (л. 7).

Не прошло и месяца после первоначального обращения в Петербург, как 28 марта 1900 г. в министерство народного просвещения отправляется из канцелярии Московского учебного округа новая бумага, в которой пересказываются все обстоятельства дела; завершается она следующим образом: «... Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство упомянутое представление за № 4562, о профессоре Шеффере оставить без движения и разрешить объявление конкурса на означенную кафедру» (л. 10 об.). Почта в те далекие времена работала исправно, и 31 марта 1900 г. бумага была зарегистрирована Департаментом народного просвещения в Петербурге. Бюрократическая машина Российской империи в общем и целом была вполне дееспособной: уже 4 апреля министр начертал резолюцию «Согласен». Впрочем, какие-то интриги продолжались, и рядом с резолюцией министра стоит карандашная пометка «Задержать до получения ответа на заказное письмо по сему делу» (л. 10). Задержка была не слишком долгой, и 17 апреля предложение об объявлении конкурса вновь вернулось в канцелярию попечителя Московского учебного округа. На следующий день, 18 апреля 1900 г. Валериан Александрович Шеффер скончался³.

Почему Шеффер так и не стал ординарным профессором, сказать трудно. Возможно, этот вдумчивый ученый не пользовался авторитетом среди профессуры ИМУ либо из-за своей молодости (он умер на 36-м году жизни), либо из-за других качеств. Может быть, руководству уже было что-либо известно о болезни, которая свела его в могилу — так или иначе, но В.А. Шефферу не суждено было стать ординарным профессором ИМУ.

Был отложен и конкурс — как писал попечитель министру «в виду обстоятельств, изложенных в моем письме от 14 апреля» (л. 11 об.—12). Что это были за обстоятельства, можно со значительной долей вероятности предположить. Дело в том, что наибольшие шансы победить в конкурсе имел Федор Герасимович Мищенко, ординарный профессор Казанского университета, начавший свою научно-педагогическую деятельность в Киевском университете Св. Владимира. С 1872 по 1884 г. Мищенко преподавал в Киевском университете,

³ Некролог см.: ЖМНП. 1900. № 6. С. 128—130.

был командирован во Францию, успешно защитил магистерскую и докторскую диссертации, перевел «Географию» Страбона (М., 1879).

Однако 12 июня 1884 г. товарищ министра внутренних дел генерал П.В. Оржевский пишет тогдашнему министру народного просвещения И.Д. Делянову отношение, в котором указывает: «Сведениями, полученными в последнее время департаментом полиции из разных источников, вполне определилось крайне вредное против-правительственное направление профессоров Муромцева, Мищенко, Дриля и Сыщанко, относительно которых и прежде сего имелись указания, свидетельствующие о их политической неблагонадежности»⁴. В конце отношения было предложено «признать неудобным дальнейшее оставление на государственной службе Муромцева, Мищенко, Сыщанко и Дриля, против-правительственное направление коих в настоящее время, казалось бы, достаточно доказано»⁵. Относительно Мищенко было дано специальное разъяснение: «Он (Мищенко. — С.К.) известен департаменту полиции за лицо, политическая неблагонадежность которого находится вне сомнения, вследствие принадлежности его к группе украинфилов и близости к государственному преступнику Ивану Басову»⁶. Мищенко ставили в вину произнесение речи на праздновании годовщины Шевченки в Петербурге в начале 1884 г., и 25 июля 1884 г. ученый был уволен.

Мищенко написал 30 августа 1884 г. И.Д. Делянову полное достоинства письмо, в котором описывал свои научные заслуги и отвергал обвинения. При этом он не отрицал своих украинфильских взглядов, но писал: «Однако, самое украинфильство, как таковое, не представляет собою не только противогосударственного, но и вообще политического движения. Малорусская разновидность русского народа существует, как непререкаемый факт; любовь малороссиян по происхождению к своему родному, Украине, к ее языку, песням, музыке, само по себе не исключает безупречной лояльности относительно общерусского правительства»⁷.

Мищенко не играл сколь-нибудь заметной роли в национальном движении на Украине и напрочь отрицал (очевидно, совершенно справедливо) приписываемую ему связь с социалистическими кругами, но власти были неумолимы. Царствование Александра III не было временем либеральных послаблений и заигрывания с интеллигенцией. Мищенко был не только уволен со службы, но и выслан из Киева в административном порядке.

Для компрометации Мищенко было использовано и так называемое «дело Свиридова», директора лопнувшего банка, разорившего многих людей в Юго-Западном крае. Мищенко был старшиной присяжных заседателей, разбиравших дело Свиридова, причем молва ему приписывала деловые связи с банком. Некоторые присяжные открыто заявили о том, что Мищенко оказывал на них давление. Свиридов был оправдан, а 22 профессора Киевского университета (в основном из так называемой «немецкой партии») направили ректору Ренненкампу в январе 1884 г. заявление, в котором требовали обсудить в Совете университета действия Мищенко⁸.

Казалось бы, события более чем 15-летней давности не должны были играть столь существенной роли. К тому же Мищенко с 1889 г. был профессором Казанского университета, в 1895 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, ездил в научные командировки в Европу и на

⁴ Севтиков С. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 34. Ректор отказался поставить вопрос на обсуждение ввиду недоказуемости обвинений. Характерно, что Мищенко после всего этого не разбогател, и материальные трудности были одной из побудительных причин к переводу Полюбия и Фукидида.

Ближний Восток⁹. Но, как говорилось, *колпак сняли, да хвост остался*. Министр был непреклонен, профессура в столичном университете была для Мищенко недоступной, и мнение «членов факультета» никакой роли здесь не играло. Впрочем, специалисты-классики профессора Соболевский и Покровский кандидатуру Мищенко как раз и не поддерживали, возможно, из-за слишком общего, по их мнению, характера его научных работ и склонности к публицистике.

Наибольшие шансы занять вакантную должность были, казалось, у профессора Штерна, которого рекомендовали Покровский и Соболевский. Попечителю Московского учебного округа ректорат ИМУ 24 июня 1900 г. отправил донесение, в котором ясно указывалось, что «было бы более желательным назначение на вакантную кафедру греческой словесности ординарного профессора Московского университета, доктора классической филологии, Статского Советника Эрнеста Романовича фон Штерна, так как он рекомендуется профессорами-специалистами классиками и является, как очевидно из отзывов о его научных трудах, специалистом именно по классической филологии. Кроме того, свою научную деятельность профессор Штерн начал лишь в 1884 г., потому ввиду солидной подготовленности и любви к науке, которыми он успел уже зарекомендовать себя, можно с уверенностью сказать, что в дальнейшей своей деятельности он принесет еще большую пользу науке, а следовательно и университету» (л. 18—18 об.).

Однако еще 10 июня Сергей Иванович Соболевский писал попечителю Московского учебного округа: «Честь имею уведомить Вас, что проф. Штерн отказался от перехода из Одессы в Москву» (л. 14). До Штерна «дошли слухи о кандидатуре Мищенко. Это вызвало в нем опасение, что он будет неприятен факультету. Опасается он поставить свою кандидатуру и потому, что не уверен в утверждении его Министерством. По этим сомнениям и опасениям он отказывается от перехода в Москву, хотя этот переход, как кажется ему и нравится» (л. 17).

Но министр был непреклонен.

«23 июня 1900 г.

Его Превосходительству П.А. Некрасову.
Конфиденциально.
Милостивый Государь,
Павел Алексеевич.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 14 сего июня относительно замещения освободившейся в Московском университете за смертью профессора Шеффера вакансии считаю долгом уведомить Вас, Милостивый Государь, что я решительно затрудняюсь согласиться на представление оной профессору Казанского университета Мищенко. Между тем, по Вашему заявлению, кандидатура Мищенко послужила поводом к отказу профессора Новороссийского университета Штерна, опасаящегося перевеса означенной кандидатуры в факультете и в высшей инстанции, так как ни ему, ни профессорам-классикам Московского университета неизвестен мой взгляд на допустимость подобной конкуренции. Посему, если у профессора Штерна помимо указанного опасения имеются еще другие какие-либо причины к отказу от перехода на службу в Московский университет, я, со своей стороны не усматриваю в настоящем случае иного исхода, как просить Вас приостановиться представлением о замещении помянутой вакансии впредь до приискания Вами более соответствующего интересам Министерства кандидата, чем профессор Мищенко.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности Бого[лепов]» (л. 19—19 об.).

17 июля 1900 г. последовал циркуляр ректору Московского университета «О

⁹ Шестаков. С.П. Мищенко (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 7. См. также: Шофман А.С. Ф.Г. Мищенко. Казань, 1974.

переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна на службу в Московский университет» (л. 24—24 об.). Однако нашла коса на камень: фон Штерн так и не согласился на этот переход. Вряд ли когда-нибудь удастся узнать о всех мотивах его решения, но, очевидно, главную роль сыграла свойственная Эрнесту Романовичу деликатность, нежелание «навязываться» московским коллегам, «перебегать дорогу» Мищенке. А возможно, фон Штерн «прикипел душой» к теплой провинциальной Одессе, к милым его сердцу греческим надписям, к Одесскому обществу истории и древностей и, вспомнив судьбу Шеффера, не хотел перебираться в Первопрестольную. *Что русскому здорово, то немцу смерть.*

Между тем следующий (1900/1901) учебный год уже начался, а злосчастная кафедра по-прежнему пустовала. 2 сентября 1900 г. товарищ министра народного просвещения отправляет очередную бумагу попечителю Московского учебного округа, а тот, в свою очередь, переправляет ее ректору ИМУ. Из этой бумаги мы узнаем, что «профессор фон Штерн обратился в Министерство с докладной запиской, в коей, указывая на сопряженные для него с означенным переводом материальный ущерб и неудобства семейного характера, просит об оставлении его на службе в Новороссийском университете. Признав возможным удовлетворить изложенное ходатайство, предложить Начальству вверенного Вам университета принять меры к обеспечению преподавания классической филологии на историко-филологическом факультете в наступившем академическом году» (л. 25—25 об.). Меры были приняты: уже 9 октября 1900 г. товарищ министра народного просвещения начертал «Разрешаю» на прошении попечителя округа «о разрешении поручить чтение греческого историка со студентами классического и исторического отделений 5—6 и 7—8 семестров ординарному профессору Соболевскому...» (л. 30).

Таким образом, благодаря безотказному Сергею Ивановичу Соболевскому учебный процесс не прервался, и вопрос на время был закрыт. Университет, очевидно, не желал вновь беспокоить петербургское начальство надоевшей всем проблемой замещения вакантной ставки, не без основания опасаясь праведного гнева министра Николая Петровича Боголепова, человека твердых правил и знатока римского права. Боголепов весьма дорожил репутацией Московского университета, ректором которого он был дважды, в 1883—1887 и 1891—1893 гг. А профессор Мищенко, наверное, ассоциировался у него с беспорядками в Киевском университете: в 1900 г. по его приказу были отчислены за участие в беспорядках 183 студента Университета Св. Владимира, что влекло за собой отбывание ими воинской повинности. Как в вопросе о замещении профессорской вакансии, так и в случае с исключением студентов Боголепов проявил твердость. Во втором случае она обошлась ему слишком дорого: 14 февраля 1901 г. Н.П. Боголепов был смертельно ранен исключенным из Киевского университета студентом П.В. Карповичем.

Оправившись от шока, руководство ИМУ решается вновь поднять вопрос о вакантной кафедре. Ректор 10 апреля 1901 г. пишет попечителю округа, «что, принимая во внимание единодушные отзывы профессоров по кафедрам греческой и римской словесности профессоров Покровского и Соболевского, к которым [...] безусловно присоединяется и профессор сравнительного языкознания профессор Фортунатов, наиболее желательным кандидатом является и[справляющий] д[олжность] ординарного профессора Юрьевского университета А.В. Никитский» (л. 33). Попечитель (П.А. Некрасов) наложил резолюцию: «Представить, присоединившись к мнению ректора и прибавив, что мнение специалистов кафедры, поддерживающих Никитского, (важнее. — С.К.), нежели мнение преимущественно историков, поддерживающих кандидатуру Мищенки. Упомянуть о необходимости сношения Министерства с избранным лицом о согласии его принять должность, дабы не повторились недоразумения, которые произошли при перемещении на эту кафедру фон Штерна, не пожелавшего этого перехода. Присоединить, что дело это

длиться больше года и нуждается в окончательном решении до наступления будущего учебного года» (л. 33).

Однако Александр Васильевич Никитский к тому времени доктором еще не был, хотя звание на «исправление должности» ординарного профессора имел и соответствующее содержание в Юрьеве получал (л. 36), и поэтому на переход «с понижением» не соглашался. Ректор ИМУ должен был признать, что «назначение г. Никитского ординарным профессором тотчас по защите им докторской диссертации будет своего рода обидной для тех профессоров Факультета, которые уже имеют степень доктора, но состоят еще экстраординарными профессорами» (л. 33 об.).

Наученное опытом с фон Штерном, министерство уже не торопилось, и только 11 июня 1901 г. уведомило университет о том, что «профессор Юрьевского университета Никитский выразил согласие на переход на службу в Московский университет, но с тем, чтобы назначение его в названный университет было отложено на несколько месяцев, так как он надеется к ноябрю сего года получить степень доктора греческой словесности и тем самым приобрести право на сохранение должности ординарного профессора и в Московском университете» (л. 40—40 об.). Со стороны Московского университета такая просьба Александра Васильевича Никитского никаких возражений не вызвала, и 20 сентября 1901 г. ректор писал попечителю округа: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что согласно заключению декана Историко-филологического факультета, перевод профессора Никитского на службу в Московский университет к 10 января будущего 1902 г. не вызовет никаких затруднений» (л. 48).

И, наконец, 24 января 1902 г. попечителю Московского учебного округа пришел подписанный товарищем министра народного просвещения циркуляр: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, последовавшим 5 сего января за № 3, исправляющий должность ординарного профессора Юрьевского университета, доктор греческой словесности, Статский Советник Никитский назначен ординарным профессором Московского университета, по кафедре греческой словесности, с 1 сего Января» (л. 51). К тому времени А.В. Никитский уже блестяще защитил в Юрьеве осенью 1901 г. докторскую диссертацию, которая была опубликована тогда же по-русски («Исследования в области греческих надписей») и частично — по-немецки¹⁰. Ученый пользовался высоким авторитетом среди своих коллег по историко-филологическому факультету ИМУ, и в 1906—1908 гг. был его деканом.

21 июля 1907 г. профессор Никитский «выслужил 25-летний срок в учебной службе. Согласно ст. 504 Свода Законов Росс. имп. т. XI ч. 1 изд. 1893 г.» для продолжения службы по истечении 25 лет требовалось ходатайство попечителя учебного округа и разрешение министра (л. 54). Разрешение на дальнейшее оставление на службе сроком на 5 лет было подписано 4 сентября 1907 г. (л. 60). Впрочем, в Московском университете А.В. Никитский остался на недолгий срок: уже 20 ноября 1908 г. министерство вновь затребовало копию формулярного списка ординарного профессора, уже действительного статского советника Никитского (л. 62). Результатом стало назначение его попечителем Оренбургского учебного округа. В Москву Александр Васильевич Никитский больше не возвращался. Он умер в нищете и одиночестве в голодном Петрограде в 1921 г.¹¹

А через несколько лет, в первую военную зиму, состав кафедры классической филологии, согласно «Ведомости о состоянии кафедр по историко-филологическому факультету Императорского Московского Университета к 15 декабря 1914 г.»¹²,

¹⁰ *Яйленко В.П.* Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4. С. 176.

¹¹ Там же. С. 180.

¹² ЦГИА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 7604. Л. 24 об.—25 об.

был уже следующим: штатные ординарные профессора — Соболевский, Покровский, Грушка, сверхштатный профессор — Новосадский, приват-доценты магистранты — Рождественский, Дератани, оставленные при университете — Сергей Соловьев и Федор Петровский. На кафедре всеобщей истории преподавал тогда штатный профессор Р.Ю. Виппер.

Таков *happу end* этой любопытной истории. Автору может быть задан резонный вопрос: а где же выводы? Мне представляется, что в отдельных случаях историографические штудии могут обойтись и без заключения. Гизо как-то заметил, что историю в конечном счете творят люди. К историографии это относится еще в большей степени. Важно уже хотя бы то, что Шеффер, фон Штерн, Мищенко, Никитский предстают перед нами не только как «вехи в историографии», но как живые люди с присущими им самим и той эпохе достоинствами и недостатками, важен сам фон, на котором разворачивалась их научная и педагогическая деятельность.

Однако некоторые выводы все же напрашиваются. Стоит хотя бы отметить достаточно высокий моральный уровень действующих лиц: российские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой. Университеты в тот период находились под сравнительно жестким контролем вышестоящих инстанций, и мнение профессоров (Совета факультета) учитывалось лишь в том случае, если не противоречило мнению попечителя учебного округа либо министра народного просвещения. Но благодаря этой же административной системе престиж научной и преподавательской деятельности был весьма высок и подкреплялся чинами, солидным жалованием и прочими льготами. Характерно также, что проблема замещения вакансии профессора греческой словесности живо интересовала и попечителя учебного округа, и министра народного просвещения.

Приятно встречать в архивных делах знакомые по прежним штудиям фамилии ученых, рассматривать четкий почерк Сергея Ивановича Соболевского, к чьим грамматикам обращаться в трудные минуты противоборства с древними языками, и осознавать, что цепочка все-таки не прервалась, что российское антиковедение — единый поток, то широкий, то узкий. И последнее: подшивайте, уважаемые коллеги, документы в папки и бережнее относитесь к архивам своих предшественников. *Verba volant, scripta manent*. Мы ведь историки.

С.Г. Карпюк

THE CASE OF THE APPOINTMENT OF A PROFESSOR OF GREEK PHILOLOGY TO THE STAFF OF MOSCOW UNIVERSITY

S.G. Karpyuk

The article is devoted to a curious episode in the history of Russian antiquity studies at the beginning of the XXth century, a long (1900—1902) search for a successor to professor Swartz who taught ancient Greek language and literature at Moscow University. Professors Scheffer, Mishchenko and von Stern were among the candidates, but failed to get the post for different reasons, whether personal, academic or political (The Ministry of Public Education came out against the appointment of Mishchenko). Finally, the authorities chose the candidature of Professor Alexander Nikitsky, a well-known specialist in Greek epigraphy. On the basis of archival documents the article throws light on the relationships existing among Russian professors, important for study of the history of science.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1(204)

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.